

о наличии у лица таких предметов известно заранее и (или) если оно добровольно выдает такие предметы лицу, ведущему процесс, то изъятие вещей и документов следует рассматривать как самостоятельное процессуальное действие.

Необходимо также отметить, что ключевым моментом при отграничении личного обыска от изъятия вещей и документов является так называемый момент отыскания. Если личный обыск и осмотр проводятся в целях обнаружения орудий и средств административного правонарушения, предметов, документов и ценностей, имеющих значение для административного процесса, т. е. предполагают наличие момента отыскания, то при проведении изъятия вещей и документов такой момент отсутствует. Кроме того, ст. 8.6 ПИКоАП предусматривает проведение личного обыска задержанного, т. е. физического лица, к которому применено административное задержание. Следовательно, подвергать личному обыску можно только лицо, в отношении которого ведется административный процесс, т. е. лицо, совершившее административное правонарушение. К иным участникам административно-деликтного процесса данная мера не применяется. В то же время к участникам процесса, наделенным правом представлять доказательства, а также имеющиеся у них материалы, относящиеся к делу об административном правонарушении, может быть применено принудительное изъятие таких материалов.

Статья 8.9 ПИКоАП предлагает несколько способов процессуального оформления изъятия вещей и документов: составление протокола изъятия, внесение соответствующей записи в протокол об административном правонарушении, о личном обыске или административном задержании физического лица.

Изучение и анализ материалов ряда дел об административных правонарушениях показывают, что нередки случаи, когда изымать вещи и документы приходится в жилище либо иных законных владениях граждан. В соответствии со ст. 2.6 ПИКоАП одним из принципов административного (административно-деликтного) процесса является неприкосновенность жилища и иных законных владений. Применяемая в данном случае ст. 8.9 ПИКоАП «Изъятие вещей и документов» каких-либо правил проведения изъятия в жилище и иных законных владениях граждан не устанавливает.

Таким образом, изъятие вещей и документов необходимо рассматривать с двух точек зрения: как самостоятельное процессуальное действие, либо как составную часть (как правило, заключительный этап) личного обыска задержанного и осмотра. При проведении изъятия вещей и документов в ходе иных процессуальных действий следует руководствоваться соответственно ст. 8.6 «Личный обыск задержанного» и 10.13 «Осмотр» ПИКоАП. Если же рассматривать изъятие как самостоятельное процессуальное действие, то возникает необходимость внесения изменений и дополнений в действующее законодательство. В этой связи предлагается усовершенствовать правовую регламентацию изъятия вещей и документов, дополнив ст. 8.9 ПИКоАП ч. 5 следующего содержания: «Изъятие вещей и документов в жилище и ином законном владении проводится только с согласия собственника или проживающего в нем совершеннолетнего лица и в их присутствии, а при отсутствии согласия – в порядке, предусмотренном частью 4 статьи 10.13 настоящего Кодекса».

Нормативное закрепление предложенных выше теоретических положений позволит эффективнее выполнять должностные обязанности не только сотрудникам органов внутренних дел, но и должностным лицам иных государственных органов, ведущих административный процесс, повысит эффективность реализации мер административно-правового принуждения, создаст дополнительные гарантии охраны прав и законных интересов личности.

УДК 351.74:342.9

И.В. Козелецкий

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ ст. 18.16 КоАП

Процессуальный порядок привлечения к административной ответственности за административное правонарушение, предусмотренное ст. 18.16 КоАП, включает в себя не только составление административно-процессуальных документов, но и применение таких мер обеспечения административного процесса, как отстранение от управления транспортным средством и при необходимости задержание и принудительная отбуксировка (эвакуация) транспортного средства (п. 6 и 5 ч. 1 ст. 8.1 ПИКоАП). Статья 8.11 ПИКоАП закрепляет право компетентных должностных лиц ОВД отстранить от управления транспортным средством правонарушителя до устранения причины этого отстранения. Указанное право закреплено помимо ПИКоАП также и иными нормативными правовыми актами (ч. 14 ст. 25 закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», п. 18.11 Положения о Государственной автомобильной инспекции МВД Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2002 г. № 1851). Под отстранением от управления транспортным средством следует понимать запрещение водителю осуществлять действия, которыми транспортное средство может быть приведено в движение. Отстранение осуществляется любым способом, например изъятием ключа из замка зажигания с освобождением лицом места водителя в кабине транспортного средства.

В правомочие сотрудников ГАИ входит задержание и принудительная отбуксировка транспортного средства при условии обязательного отсутствия в нем пассажира (пассажиров) и доставление указанного транспортного средства на охраняемую стоянку при отсутствии иной возможности доставить его к месту хранения (ч. 1, 2 ст. 8.10 ПИКоАП). Задержанное транспортное средство доставляется в присутствии водителя (владельца) с использованием другого транспортного средства, путем буксировки на жесткой сцепке либо сотрудником дорожно-патрульной службы самостоятельно при условии обеспечения сохранности задержанного транспортного средства.

Осмотр такого транспортного средства производится с соблюдением требований ст. 10.13 ПИКоАП, о чем составляется соответствующий протокол (ч. 3 ст. 8.10 ПИКоАП). Помещенное на охраняемую стоянку транспортное средство возвращается собственнику (владельцу) или уполномоченному им лицу по его первому требованию (ч. 7 ст. 8.10 ПИКоАП). При этом затраты, связанные с принудительной отбуксировкой (эвакуацией) транспортного средства на охраняемую стоянку и его хранением, возмещаются лицом, совершившим административное правонарушение. В случае отказа от возмещения указанных затрат они взыскиваются в судебном порядке (ч. 8 ст. 8.10 ПИКоАП). Поэтому является неправомерным отказ в выдаче транспортного средства ввиду неоплаты его собственником штрафа или иных затрат, в том числе связанных с хранением указанного транспортного средства на охраняемой стоянке. Подобные действия при наличии соответствующих условий могут быть расценены как самоуправство (ст. 23.39 КоАП).

После помещения транспортного средства на охраняемую стоянку у водителя подлежит изъятию водительское удостоверение на срок до исполнения административного взыскания, взамен которого выдается временное разрешение на право управления транспортным средством (ч. 2 ст. 8.9 ПИКоАП), о чем составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении, личном обыске или административном задержании (ч. 3 ст. 8.9 ПИКоАП). Временное разрешение не может быть выдано лицу, управлявшему транспортным средством и не имеющему право на его управление.

На основании п. 1 ч. 2 Порядка изъятия водительского удостоверения на право управления транспортными средствами и талона к нему, утвержденного постановлением МВД Республики Беларусь от 28 февраля 2007 г. № 45, действие временного разрешения на право управления транспортным средством, выдаваемого взамен водительского удостоверения, продлевается до истечения срока, установленного для подачи жалобы, или для принятия решения по жалобе.

Необходимо отметить, что ч. 3 ст. 10.14 ПИКоАП предоставляет право соответствующему должностному лицу органа, ведущего административный процесс, в случае отказа лица, в отношении которого ведется административный процесс, от освидетельствования освидетельствовать последнего в принудительном порядке. При этом является допустимым применение физической силы и специальных средств на условиях и в порядке, предусмотренных ст. 26–28 закона об ОВД. Кроме того, сотрудники ОВД вправе применить специальные средства для остановки транспортного средства, водитель которого не подчиняется заведомо очевидным для него законным неоднократным требованиям об остановке транспортного средства (абз. 8 ч. 1 ст. 28 вышеназванного закона) и использовать огнестрельное оружие для остановки транспортного средства путем его повреждения, если водитель не подчиняется заведомо очевидным для него законным неоднократным требованиям сотрудника ОВД об остановке транспортного средства и его действия создают реальную угрозу жизни или здоровью граждан (абз. 4 ч. 3 ст. 29 закона об ОВД). В данной ситуации действия правонарушителя квалифицируются по совокупности административных правонарушений, предусмотренных ст. 18.16 и 18.21 КоАП.

На практике существуют различные мнения по поводу возможности освобождения правонарушителя от административной ответственности на основании ст. 5.3 КоАП в силу крайней необходимости, т. е. когда управление транспортным средством осуществляется для предотвращения или устранения опасности, непосредственно угрожающей личности, правам и законным интересам данного лица или других лиц, интересам общества или государства, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред не является более значительным, чем предотвращенный (ч. 1 ст. 5.3 КоАП). Указанное основание освобождения от ответственности нашло обсуждение в юридической литературе. Однако разъяснения Верховного суда Республики Беларусь по этому вопросу отсутствуют. Правом подготавливать дело об административном правонарушении и рассматривать его обладают уполномоченные на то сотрудники ГАИ (п. 1 ч. 1 ст. 3.30 и ст. 3.6 ПИКоАП).

УДК 342.95: 351.74

В.В. Коляго

О СУЩНОСТИ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Любая деятельность субъектов, направленная на реализацию государственных функций, в том числе по профилактике правонарушений, подвергается оценке с точки зрения ее эффективности. В этой связи существенное практическое и теоретическое значение имеет научная разработка соответствующих критериев, позволяющих определить уровень эффективности данной деятельности на определенном этапе с целью своевременного выявления и устранения негативных факторов. Рассматриваемые критерии будут выступать в качестве ориентиров для исполнителей, оказывая влияние на результативность деятельности в определенном направлении.

Первоначально следует определить содержание термина «эффективность профилактики правонарушений», по поводу которого в науке нет единого мнения. Научная категория «эффективность» зародилась в экономике, откуда, получив значительную разработку, внедрилась в юриспруденцию. Как отмечал П. Хейне, «...эффективность неизбежно является оценочной категорией... всегда связана с отношением ценности результата к ценности затрат. Эффективность любого процесса может меняться с изменением оценок, а поскольку все зависит от всего, любое изменение в любом субъективном предпочтении в принципе может изменить эффективность любого процесса».

Следует отметить, что экономическое понимание эффективности невозможно полностью применять в юридической науке, в том числе по отношению к деятельности субъектов по профилактике правонарушений, поскольку в данном случае оценить конечный результат, установив его соотношение с материальными затратами на его достижение, в большинстве случаев невозможно. В связи с этим представляет интерес общепринятое в юридической науке понятие эффективности как выражения действительности, результативности, способности обеспечить достижение цели, ожидаемый результат в правовых сферах. Следовательно, общими ключевыми категориями являются «цель» и «результат».

Необходимо согласиться с мнением ученых-юристов о том, что эффективность правовых норм может быть выяснена только при рассмотрении права в действии. Данный подход применим и к деятельности субъектов по профилактике правонарушений, являющейся социальной и осуществляемой в определенных целях. В связи с этим эффективность деятельности по профилактике правонарушений оправданно рассматривать как соотношение между фактически достигнутым результатом и социальными целями, на достижение которых она была направлена.

Как справедливо отмечает В.В. Головченко, четкая определенность целей обеспечивает основу для решения ряда методологических проблем, служит исходным пунктом определения понятия эффективности, разработки ее научно обоснованных критериев и показателей. Анализ позволяет выделить тройственную иерархию целей в деятельности, направленной на формирование комплексных специфических качеств личности в правовой сфере жизнедеятельности: формирование системы правовых знаний (ближайшая цель); формирование правовой убежденности (промежуточная цель); формирование мотивов и привычки правомерного, социально активного поведения (конечная цель). Данная классификация позволяет учесть основные элементы правосознания – знание права, правовые эмоции, готовность к правомерному поведению.